

тии XXI в. позволяет сделать ряд важных в политическом смысле выводов. Прежде всего, за границу за 10 лет на постоянное место жительства выехало 0,3% ее населения, следовательно, о бегстве иркутян из страны говорить не приходится. За этот же период в регион для постоянного проживания из-за рубежа прибыло 13 333 чел. составивших 0,5% от числа старожилов, таким образом, и об иммигрантской угрозе говорить преждевременно. Причем из совокупности приезжих 12 727 чел. или 95,5% составили бывшие граждане СССР или их потомки, иными словами люди, с близкой нам культурой.

По иному воспринимается качественный, (по профессионально-образовательному основанию) анализ иркутской эмиграции. Среди выехавших за границу иркутян 27,7% являлось или потенциально были высококвалифицированными специалистами, к тому же среди них было 3 доктора и 18 кандидатов наук. И еще, 30,5%, имели среднее профессиональное образование. Таким образом, среди выехавших за границу, дипломированные специалисты составляли 58,2% общей совокупности потенциально образованных эмигрантов. Если отъезд в страны СНГ и Балтии в определенной степени был обусловлен большим комплексом причин, имевших не ценностную природу, то с выездом в Дальнее зарубежье, все значительно проще, но и характеристики хуже. В совокупности, выехавших в страны Дальнего зарубежья, группа высококвалифицированных специалистов составила уже 41,8% их общей численности. Обладатели среднего профессионального образования заняли еще 26,4% эмигрантской совокупности. Таким образом, среди образованных жителей Прибайкалья, навсегда покинувших территорию бывшего Советского Союза, дипломированные специалисты, составили 68,2% от числа всех имевших образование или проходивших обучение жителей Прибайкалья.

Произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Иркутская область в первом десятилетии XXI в. являлась не только сырьевым придатком иных государств, но и поставщиком для них российской национальной интеллектуальной и высококвалифицированной рабочей силы.

В.Н. КАЗАРИН

О ЗАБЫТОМ СПОРЕ ГОРОДОВ, ИЛИ ПОЧЕМУ И КАК ИРКУТСК СТАЛ ВТОРЫМ УНИВЕРСИТЕТСКИМ ГОРОДОМ СИБИРИ

Еще в начале XIX в. в правительственных сферах Российской империи возникает намерение открыть сибирский университет. В документе под названием «Предварительные правила народного просвещения» от 24 января 1803 г. предполагалось разделить империю в административно-учебном отношении на шесть округов, центрами которых стали бы универ-

ситеты. Историк народного просвещения дореволюционной России академик С.В. Рождественский отмечал, что первые предложения по этому вопросу были представлены в комиссию об училищах академиками Фусом и Озерецковским. Фус наметил в качестве университетских городов Петербург, Москву, Харьков, Казань, Вильно и Дерпт; а Озерецковский — Москву, Харьков, Казань, Дерпт, Воронеж и Великий Устюг. Комиссия приняла предложения Фуса, но посчитала возможным дополнительно открыть университеты в Устюге и в Киеве, а также в Сибири. Университетским городом был определен Тобольск, древняя столица Сибири. Но сибирский университет открыт не был, а Тобольская и Иркутская губернии вошли в состав Казанского учебного округа, который в начале XIX в. относился к самым крупным в Российской империи. Кроме Сибири, в него входило все Поволжье от Нижнего Новгорода до Астрахани, все Прикамье и Приуралье, и на тот период вошедшие в состав России территории Кавказа¹.

Генерал-губернатор Западной Сибири Петр Михайлович Капцевич в 1823 г. во всеподданнейшем рапорте ходатайствовал об открытии сибирского университета. По его мнению, университет должен состоять из двух факультетов: юридического и медицинского. Тогда же попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий представил проект об учреждении в Барнауле высшего училища в статусе отделения Казанского университета, которое готовило бы учителей для сибирских гимназий и училищ, обучало бы детей сибирских чиновников к гражданской службе, а купеческих детей — к торговле с восточными странами. Проект Магницкого, будь он реализован, не означал бы создание в Сибири университета, поскольку отделение Казанского университета под названием Большой Сибирской гимназии являлось не только самостоятельным университетом, разделенным на факультеты, но и само по себе не являлось бы даже факультетом. Скорее, это был бы лицей, т.е. учебное заведение, совмещающее в себе в основном гимназический курс с элементами адаптированного университетского курса. Таковыми были в России, например, Ярославский Демидовский лицей, на основе которого впоследствии возник университет, лицей князя Безбородко в Нежине и др. Осенью 1826 г. доклад Магницкого и рапорт Капцевича были переданы на рассмотрение в Сибирский комитет. Комитет согласился с их предложениями и посчитал, что высшее образование для Сибири «полезно и согласно с принятыми для управления Сибири правилами»².

Однако вместо открытия университета было решено бесплатно обучать небольшое число уроженцев Сибири в столичной Медико-хирургической академии и в Казанском университете, по окончании которых выпускники должны были возвращаться на службу только в родные края³. А между тем Сибирь нуждалась в образованных специалистах, и это наталкивало на мысль о необходимости иметь сибирякам свой университет. Этот вопрос неоднократно ставился в правительстве, но безрезультатно.

Что же представляла Сибирь с точки зрения развития образовательных учреждений в середине XIX в.? По данным действительного статского советника Ю.А. Гегемейстера, представленным Его Императорскому Величеству, в Западной Сибири находились следующие учебные заведения: 1) состоящие под управлением Министерства народного просвещения, или гражданские; 2) военно-учебные; 3) духовные; 4) горнозаводского ведомства. К первому виду относились две гимназии: Тобольская и Томская, 11 уездных и 10 приходских училищ. Ко второму — Сибирский кадетский корпус и батальон кантонистов в Омске, а также полубатальоны в Тобольске и Томске. К третьему — Тобольская Духовная семинария и духовные училища в Тобольске, Томске и Омске. К четвертому — училища, состоящие: одно окружное в Барнауле и 15 училищ или школ по заводам и рудникам в ведении Алтайского горного начальства. Кроме этого, в ведении Сибирского Казачьего войска имелись сотские казачьи школы и при разных монастырях и приходских церквях 98 сельских школ. Всех учащихся в заведениях Западной Сибири в 1851 г. было 7137, а преподавателей и чиновников в них — 384. По числу же народонаселения Западной Сибири в 787 550 «душ мужского пола», один учащийся приходился на 111 душ.

В Восточной Сибири положение с образованием обстояло хуже. Здесь к учебным заведениям министерства народного образования и Министерства внутренних дел относились: одна гимназия «с благородным при нем пансионом», 10 уездных училищ, 34 приходских, одна частная школа и одно училище для детей канцелярских служащих, одна русская магометанская школа, Институт благородных девиц и одно сиропитательное заведение Елизаветы Медведниковой. Число учащихся в Восточной Сибири, по данным Ю.А. Гегемейстера, в 1851 г. было мужского пола 2002, женского — 155. По числу жителей мужского пола 524 685, один учащийся относился к населению как 1 к 262, а женского пола по числу 474 867 — как 1 к 3031. Если же посмотреть динамику развития учебных заведений, подчиненных Министерству народного образования, то в 1843 г. в них обучалось 2871 учащийся, а в 1852 г. — 4 272 учащийся⁴. Таким образом, за неполных 10 лет количество учащихся заметно выросло, но этого было явно не достаточно. Высших учебных заведений различного профиля в середине XIX в. ни в Западной, ни в Восточной Сибири не было.

В литературе, прежде всего в советской, постоянно подчеркивалось, что вопрос о создании университета возбуждался преимущественно по инициативе общественных деятелей, часто оппозиционных монархическому строю в России (Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.П. Щапов и др.). Не умаляя их заслуг в этом вопросе, отметим, что и правительственные круги немало сделали для возникновения университетского образования в Сибири. 5 марта 1856 г. министр просвещения Российской империи Абрам Сергеевич Норов вновь поставил вопрос о сибирском университе-

те. Во всеподданнейшем докладе он писал: «Вашему Императорскому Величеству Высочайше благоугодно было признать полезным учреждение университета в Сибири. Министерство займется начертанием плана сего высшего учебного заведения, которое, не теряя своего университетского характера, должно быть числом, составом и направлением своих факультетов приспособлено к потребностям страны». О необходимости высшего учебного заведения в Сибири заявлял примерно в те же годы и тобольский губернатор Александр Иванович Деспот-Зенович⁵, один из лучших сибирских администраторов. К сожалению, вопрос решен не был, все осталось без изменений.

Генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев-Амурский, пребывавший в этой должности с 1847 по 1861 г., выступал вначале против создания университета, полагая, что его создание приведет к усилению пороков в сибирском обществе. Но затем он существенно пересмотрел свои взгляды. Когда Иркутская городская дума в 1878 г. обратилась к нему, уже не генерал-губернатору, но лицу влиятельному, с просьбой поддержать ходатайство об университете в Государственном Совете, Н.Н. Муравьев-Амурский специально приехал из Франции в Петербург, чтобы участвовать в заседании Совета⁶. Кстати, этот факт подтверждает вывод известных современных исследователей истории Сибири И.Л. Дамешек и Л.М. Дамешека о том, что «попав в Сибирь по воле монарха и призванные законом быть верховными представителями и блюстителями его интересов на местах, многие из них (губернаторов — В. К.) довольно скоро если не превращались в истинных сибиряков, то становились настоящими радетелями интересов края, поборниками развития культуры и образования, нравственного совершенствования всего сибирского общества»⁷.

Но примечательно, что позиция лучших представителей сибирской администрации в университетском вопросе во многом совпадала с чаяниями наиболее образованных кругов обширного края. В 1860-е гг. вопрос о сибирском университете становится одним из самых обсуждаемых вопросов в прессе, о целесообразности его открытия говорили многие авторитетные ученые и публицисты. В 1863 г. Григорий Николаевич Потанин и Николай Михайлович Ядринцев, известные деятели общественного движения в Сибири, соответственно в Семипалатинске и Омске, выступали с публичными лекциями об университете. Г.Н. Потанин в газете «Томские губернские ведомости» опубликовал статью о необходимости открытия университета в Сибири, о «равновесии областного бюджета с государственным», о вредном влиянии ссылки на сибирское население. Это, в числе других причин, дало основания обвинить Потанина в сибирском сепаратизме; он был приговорен сначала к смертной казни, замененной впоследствии каторжными работами.

В середине 70-х гг. XIX в. в столичной и региональной печати разгорелась дискуссия о проблеме соотношения центра и провинции. Иници-

аторами дискуссии выступили Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и редактор «Камско-Волжской газеты» К.В. Лаврский. В дискуссии приняли участие народнический писатель и историк Д.Л. Мордовцев и один из идеологов радикального течения народничества П.Н. Ткачев. Г.Н. Потанин, активно включившийся в полемику, горячо отстаивал точку зрения о том, что неприменимыми атрибутами провинциальной жизни должны стать периодическая печать, театр и университет. К университету он предъявлял особые требования: кафедры его должны быть по преимуществу розданы сибирякам-ученым, а сам университет должен органически срастись с Сибирью⁸.

Одним из первых в этом ряду был Афанасий Прокопьевич Щапов (1831–1876), оригинальный историк и талантливый публицист. В последний период своей научно-педагогической деятельности, находясь в Иркутске, откликаясь на важнейшее событие культурной жизни России — дни празднования М.В. Ломоносова, ученый-историк выступил с речью, посвященной памяти великого русского ученого (1865). А.П. Щапов произнес замечательные слова, достойные внимания и современного читателя. «При воспоминании одной этой великой энергии и настойчивости Ломоносова в деле основания первого русского университета чего бы лучшего, нам, сибирякам, желать, в увековечение памяти Ломоносова, как не *университета в Сибири*». Без университета, отмечал Щапов, ни Сибирский Отдел Географического общества, ни Статистический Комитет, ни гимназии и прогимназии не могут иметь живейшей и сильной помощи и поддержки, высшего руководства и правильного корректива или регулятора в своей ученой и народно-образовательной деятельности⁹.

Назначенный в 1875 г. генерал-губернатором Западной Сибири Николай Геннадьевич Казнаков подал всеподданнейшую записку, в которой ходатайствовал об открытии в Сибири университета с четырьмя факультетами, в том числе и юридическим. Местом для университета он указывал Омск, как наиболее подходящий город. В 1876 г., в Государственном Совете Российской империи по докладу Н.Г. Казнакова, было решено открыть университет в Сибири. В 1877 г. Высочайше, т.е. по указу императора Александра II, была учреждена особая «Комиссия для изучения вопроса об избрании города для Сибирского университета». Комиссию возглавил Великий князь Михаил Николаевич Романов. Было проведено семь заседаний комиссии¹⁰. Начался процесс определения наиболее подходящего для этих целей географического места. 11 сибирских городов обсуждали вопрос, где быть первому университету: в Томске или в Омске. Восемь городов (Томск, Мариинск, Барнаул, Енисейск, Красноярск, Верхнеудинск, Нерчинск, Иркутск) высказались за Томск. Два (Омск и Тюмень) — за Омск. С особым мнением выступил Тобольск: он пожелал сам стать университетским городом; в противном случае присоединить свой голос к мнению меньшинства. Победителем стал Томск¹¹. Следует отметить, что Иркутская Городская Дума после

продолжительного обсуждения вопроса отреклась от своих притязаний на университет и ходатайствовала об открытии его в Томске¹². Это было отражено в докладе министра народного просвещения.

Создание первого университета в Сибири стало событием громадного значения не только для азиатской России, но для всего Российского государства. Можно выделить несколько составляющих факторов этого события. Сибирь интеллектуально приближалась к центру российской государственности, постепенно поднимался уровень культуры и образования на такой громадной территории, возрастала возможность развития научных исследований в сибирских центрах высшего образования, повышался уровень квалификации местной администрации, что улучшало качество управления обширными административно-территориальными единицами. Также следует учесть, что закреплялись геополитические позиции России на востоке в связи с новыми территориальными приобретениями, создание университета вовлекало в процесс образования местное автохтонное население. Однако отсутствие университета в Восточной Сибири, говоря современным языком, грозило выпадением ее культурного развития из общего «мейнстрима» общероссийской образовательной политики. И этот факт все болезненнее воспринимался сибирским обществом.

Посмотрим внимательнее, какие показатели характеризовали образовательную картину Восточно-Сибирского учебного округа в 1880 г. В округе было две гимназии: Иркутская губернская и Красноярская губернская. Две прогимназии: Енисейская шестиклассная и Якутская шестиклассная; два реальных училища: Троицкосавское Алексеевское и Красноярское двухклассное ремесленное училище Щеголевой, две учительских семинарии: Иркутская и Красноярская. Девять уездных училищ: Ачинское, Енисейское, Верхнеудинское, Иркутское, Киренское, Красноярское, Нижнеудинское, Нерчинское, Троицкосавское. Кроме того, было 12 женских учебных заведений и сеть приходских и народных училищ¹³. В Иркутске же в 1881 г. находилось 23 учебных заведения, в которых обучалось 2 185 учащихся (1 331 мужского пола и 854 женского). В окружных городах было 10 учебных заведений (347 учащихся), и в округах губернии — 74 учебных заведения с общим количеством учащихся 1 776. Всего же насчитывалось 107 учебных заведений, обучалось в которых 4307 учащихся обоего пола¹⁴.

С открытием университета в Томске, иркутской общественности пришлось отложить на время свои требования об организации такого же учебного заведения в Иркутске. Но уже с 1912 г. вопрос о втором университете в Сибири ставится в связи с решением главного управления землеустройства и земледелия об открытии высшего сельскохозяйственного института в Сибири. Иркутск, как и другие города, стремился разрешить этот вопрос в свою пользу, но, к сожалению, вновь безуспешно, так как этот институт был открыт в Омске. Какие еще города Восточной Сиби-

ри могли претендовать на получение статуса университетского города в конце XIX–начале XX вв., после того, как Томск стал таковым? Вспомним обсуждение вопроса в 70-е гг. XIX в. Посмотрим, что собой представляли города, принявшие участие в обсуждении университетского вопроса.

Итак, победитель среди сибирских городов — Томск. В начале XX в. (1901) в Томске проживало 63 335 жителей. По количеству учебных заведений он уверенно лидировал среди сибирских городов; можно с уверенностью сказать, что ему за Уралом не было равных. Город имел два высших учебных заведения: университет с двумя факультетами (554 студента) и технологический институт, открытый годом ранее. Всего же было 59 учебных заведений, в которых обучалось 7 400 учащихся. Назовем лишь некоторые: повивальный институт, духовная семинария, духовное училище, уездное училище, мужская гимназия, женская гимназия, реальное училище, ветеринарно-фельдшерская школа, лютеранское церковное училище и др.¹⁵

Второй реальный претендент — Омск, областной город Акмолинской губернии, административный центр Степного генерал-губернаторства. В 1897 г. в городе проживало 37 470 жителей. Учебные заведения были представлены кадетским корпусом, военным, духовным и уездным училищами, мужской и женской гимназиями¹⁶. Как видим, в конце XIX–начале XX вв. Омск значительно уступал Томску по всем показателям в сфере образования.

А что же первая столица Сибири Тобольск, изъявивший желание стать университетским городом? В 1901 г. там проживало 22 752 жителя. Насчитывалось 20 учебных заведений: уездное мужское училище, духовное мужское училище, епархиальное женское училище, мужская гимназия, ветеринарно-фельдшерская и ремесленная школа и др.¹⁷ Очевидно, что Тобольск к рубежу XIX–начале XX вв. явно сдал свои прежние позиции и значительно уступал в Томску, и Омску в Западной Сибири, а также Иркутску и Красноярску в Восточной Сибири. Одной из причин этого явилось географическое положение Тобольска, северного города, который оказался вне Транссибирской железной дороги (Великого Сибирского пути).

Другие же города, принявшие участие в обсуждении, представляли собой следующее. Тюмень, уездный город Тобольской губернии. Как по числу жителей (29 621 в 1899 г.), так и по торгово-экономическому значению, обогнал губернский город Тобольск. В городе находилось реальное училище, мужское уездное училище, женская прогимназия и училище, приходские школы¹⁸. Барнаул, окружной город Томской губернии, центр Алтайского горного округа, в 1911 г. насчитывал 33800 жителей. В городе были реальные и духовные училища, женская прогимназия, метеорологическая обсерватория¹⁹. Но город оказался вне Транссибирской железнодорожной магистрали, что снизило его конкурентные возможности.

Мариинск, окружной город Томской губернии. В 1894 г. в нем проживало 7 421 жителя, а из учебных заведений было лишь двухклассное училище и приходская школа²⁰. Слишком маленький город, не имевший образовательной основы, чтобы стать городом университетским.

Енисейск, окружной город Енисейской губернии. В 1889 г. проживало 7 382 жителя; имелась восьмиклассная женская гимназия, женская церковно-приходская школа, мужская шестиклассная прогимназия, уездное училище и два приходских училища²¹. Гораздо мощнее выглядел Красноярск, губернский и окружной центр Енисейской губернии. В городе, в котором в 1895 г. проживало 15 360 жителей, был городской театр, мужская и женская гимназии, учительская и духовная семинарии, городское трехклассное училище, железнодорожное техническое, Щеголевское ремесленное училище духовные училища и др. К 1914 г. в Красноярске вместе с пятью слободами проживало уже около 80 тыс. чел. Город постепенно приобретал вид культурного губернского центра: такой облик ему давал не только рост учебных заведений и количества учащихся в них, но и отделение ВСОРГО²².

В целом же в Енисейской губернии, одной из обширнейших в Российской империи, уступающей по площади только Якутской области, превосходящей в конце XIX в. территорию Австро-Венгрии, Германии (без колоний), Швеции с Норвегией и европейской Турции, учебная часть, по мнению Н. Латкина, одного из знатоков Сибири того времени, находилась «в неудовлетворительном состоянии». В 1888 г. учебных заведений в городах было 37, в округах (а их было пять) — 119. Учащихся в городах было 2 341, а в округах — 2 505. Таким образом, на одну тысячу населения приходилось около 11 учащихся (без городов — около шести). Грамотных же всего было 3,5% среди мужчин и 2% среди женщин²³. Мнение Н. Латкина разделяют и современные авторы монографии, посвященной истории дореволюционного Красноярска: «В целом состояние народного образования в губернии не могло удовлетворять потребностям развивающейся экономики и культуры края. Система его была неполной, она не включала высшего образования, среднее образование было, главным образом, сосредоточено в губернском центре»²⁴.

Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) также принял участие в обсуждении о кандидатуре университетского города. В тот период окружной центр Забайкальской области, главный торговый центр западного Забайкалья. В 1891 г. население составляло 5 223 жителя. В городе было три церкви, синагога, четырехклассная женская гимназия, уездное училище, три приходских училища, детский приют для детей арестантов и беднейшего населения города, библиотека, общественное собрание и больница. В 1911 г. в Верхнеудинске проживало уже 9 530 жителей, имелась женская гимназия, реальное училище, городское четырехклассное училище, две общественные библиотеки²⁵. Население окружного центре Забайкальской области Нерчинска в 1896 г. составляло 4 661 чел. По мнению одного из авторов

Словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Нерчинск принадлежал «к числу лучших второстепенных городов Восточной Сибири». В Нерчинске была женская (Софийская) прогимназия, основанная на средства купцов братьев Бутиных, городское, приходское, духовное и окружное училища²⁶.

В целом же огромная Забайкальская область имела площадь 613 км², что составляло около 1/36 площади всей Российской империи, 1/27 часть Азиатской России и 1/5 часть площади Приамурского генерал-губернаторства. Только семь губерний и областей Российской империи имели площадь, большую Забайкальской области. В 1892 г. в ней проживало до 590 тыс. жителей, среди которых преобладало селенное население. Население проживало в семи городах (Баргузине, Селенгинске, Троицкосавске, Верхнеудинске, Чите, Нерчинске и Акше) и в 750 других населенных пунктах. А каков был образовательный портрет области? Общеобразовательных учебных заведений было 13, специальных — четыре (горное и духовное училища в Нерчинске, фельдшерская и повивальная школы в Чите); 123 начальных училища и народных школ, 11 благотворительно-воспитательных заведений. В них обучалось 5 105 мальчиков и 1 191 девочек. Число учащихся относилось к числу населения как 1 к 90²⁷.

На рубеже XIX–XX вв. значительно возросло значение Читы, областного центра Забайкальской области. В 1900 г. там проживало 11 500 жителей; находилась мужская и женская гимназии, епархиальное женское училище, центральное миссионерское училище при архиерейском доме, ремесленное училище, городское трехклассное училище, две приходских, воскресная, три церковно-приходских, военно-фельдшерская и войсковая школы. В 1905 г. там находилось 20 учебных заведений, а также пять частных библиотек и читален²⁸.

К числу потенциальных кандидатов на роль университетского города можно рассмотреть также возможности центра огромной Якутской области — Якутска. Якутская область представляла по площади 1/3 часть всей Сибири и 2/3 части европейской России. По территории в Российской империи ей не было равных. Но на этой обширнейшей северной территории с суровым климатом было всего 85 учебных заведений, их них четыре средних и восемь начальных училищ²⁹. В областном центре, в котором проживало 7 097 жителей (1904) было 16 учебных заведений, среди которых: реальное училище, женское епархиальное училище, духовное училище, духовная семинария женская гимназия, церковно-приходские школы³⁰.

Для того чтобы выяснить, почему все же в соревновании губерний, областей и городов стать университетским городом победил Иркутск, приведем соответствующие данные по Иркутской губернии. В конце XIX в., по данным Стрельбицкого, площадь губернии составляла 653 290 кв. верст, что превосходила территорию Франции или Германии (без колоний). С 1857 г. губерния делилась в административном отношении на пять округов: Балаганский, Верхоленский, Иркутский, Киренский и

Нижнеудинский. В 1892 г. все население губернии с четырьмя окружными городами, одним заштатным и одним губернским городом составляло 465 428 человек. Народное образование, за исключением губернского города, было развито слабо. В 1892 г. было 427 учебных заведений, в которых обучалось 11 112 чел. Мальчиков среди них было 8 056 (72,5%), девочек — 3056 (27,5%). Сельских училищ было 366, в том числе школ грамотности — 223. Церковно-приходских школ было 74, а школ Министерства народного просвещения 69 (из них 63 — приходских и шесть двухклассных). Кроме того, в селах было немало домашних школ с учителями-поселенцами. Ко всему населению губернии учащиеся составляли 2,1%; к населению городов — 7,7%, а округов — 1,2%³¹.

А что представлял собой Иркутск на рубеже веков, имел ли он предпосылки стать университетским городом России? В губернском центре в 1890 г. проживало, по данным энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 50 280 чел. (29 115 мужского пола и 21 125 женского). Вспомним, что в Чите в 1900 г. было 11 500 жителей, а в Верхнеудинске — в 1891 г. — всего 5 223 жителя. Таким образом, Иркутск в 4,4 раза превосходил по количеству жителей Читы, и в 9,6 раза Верхнеудинск. Этот факт имел немаловажное значение.

Иркутск превосходил своих соседей и по уровню развития образования. Первая школа в Иркутске возникла в 1725 г. при Вознесенском монастыре под названием мунгало-русской, а вторая — в 1728 г. называлась славяно-русской. В 1754 г. возникла школа навигации и геодезии; в 1780 г. была открыта духовная семинария. Почти одновременно с семинарией открыли городскую школу, переименованную в 1789 г. в Главное народное училище, а в 1805 г. — в гимназию. В том же году открыли первое приходское училище. В 1838 г. возник сиропитательный дом Е.И. Медведниковой, затем в 1845 г. — Девичий институт Восточной Сибири. Позднее были образованы женская гимназия Хаминова, духовное женское училище, промышленно-механическое училище. В 1872 г. — Иркутская учительская семинария. К концу XIX в. в Иркутске были также сиропитательно-ремесленная мужская школа К.П. Трапезникова, ремесленно-воспитательное мужское заведение Н.П. Трапезникова, юнкерское училище, четырехклассное горное училище, шесть частных учебных заведений, одна церковно-приходская школа, училище для слепых детей. Всего же в Иркутске в 1892 г. насчитывалось 51 учебное заведение, в которых обучалось 4 343 учащихся (2 624 мальчиков и 1 719 девочек). Таким образом, один учащийся приходился почти на 12 жителей³². Таких показателей в области образования не имели другие областные и окружные центры Восточной Сибири.

В 1892 г. в Иркутской губернии насчитывалось 427 учебных заведений. Около 12% школ и 39% всех учащихся приходилось на город Иркутск. Среди окружных городов лучше всего были обеспечены средства-

ми начального образования города Киренск, Балаганск и Верхоленск. В 1892 г. школы министерства народного просвещения составляли 18,9% всех школ, в них обучалось 45,4% всех учащихся; в церковно-приходских школах — 20,2% всех школ (обучалось 28%), и в школах грамоты — 60,9% общего числа школ (обучалось до 26,6%)³³.

К началу 1896 г. в Иркутской губернии было всего 453 учебных заведения, в которых обучалось 13 261 учащийся. Более всего учебных заведений было в Иркутске — 58 (12,8%), далее — в окружных городах — 11 (2,4%), и в округах — 384 (84,8%)³⁴. Таким образом, происходил рост числа учащихся. В 1903 г. в Иркутской губернии насчитывалось 472 учебных заведения различных типов и ведомств. При этом средние учебные заведения находились только в Иркутске. Кроме того, там располагался Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества (ВСОРГО), богатейший музей с библиотекой; в городе издавалось восемь периодических изданий³⁵.

В 1909 г. в Иркутске произошло знаменательное событие, имевшее значение для развития образования не только в городе, но и в Иркутской губернии. 1 июля 1909 г. по высочайше утвержденному императором Николаем II распоряжению министра просвещения А.Н. Шварца был открыт Иркутский учительский институт. Это было мужское педагогическое учебное заведение для подготовки учителей уездных и городских высших начальных училищ с пяти-шестилетним сроком обучения на базе четырех классов начальной школы. До этого такой институт был открыт в Томске (1902), позднее Иркутска в Омске (1912), Красноярске (1915), Тобольске (1916)³⁶. До революции 1917 г. учительский институт готовил несколько десятков учителей³⁷. Таким образом, Иркутск как губернский город, в котором располагалось руководство учебным округом и инспекция народных училищ, повысил свой образовательный статус. В нем появилось первое учебное заведение с переходным статусом от среднего специального к высшему педагогическому образованию.

В 1912 г. в Иркутске успешно работали Институт императора Николая I (Девичий институт), учительский институт, учительская семинария, а также 23 училища. Среди них: духовные семинарии, военные школы, военно-фельдшерская школа, городские училища, горное училище, акушерско-фельдшерская школа, коммерческое училище. В Иркутской губернии были также училища в уездных городах и селах, в частности, в: Киренске, Балаганске, Верхоленске, Нижнеилимске, Илимске, Нижнеудинске³⁸.

Накануне Первой мировой войны в Иркутске, по данным И. Попова, находилось около 30 ученых, группировавшихся во ВСОРГО и его музеи с богатыми коллекциями и научной библиотекой, в двух обсерваториях. В губернском центре была городская библиотека, насчитывающая 40 тыс. томов, Потанинская библиотека и до 80 различных учебных заведений с восемью тысячами учащихся, издавалось несколько газет³⁹.

В 1915 г. Иркутск снова включается в решение вопроса о создании университета, в связи с имеющейся информацией о намерениях Министерства просвещения решать вопрос об открытии новых университетов в разных городах России, в первую очередь в Восточной Сибири, причем либо в Иркутске, либо во Владивостоке. В этой связи Иркутская городская дума на заседании 5 июля 1916 г. рассмотрела данный вопрос. Для разработки вопроса о постройке университета и сборе пожертвований была учреждена исполнительная комиссия в составе 15 человек. Комиссию возглавил городской голова И.М. Бобровский; в ее состав вошли С.Н. Родионов, Н.Н. Алексеев, В.М. Посохин, А.М. Донец, М.С. Стравинский, Д.И. Зверев, М.И. Южаков, Г.И. Русанов, И.И. Огладин, А.С. Первунинский, В.В. Жарников, Г.Г. Пальмин, В.А. Рассушин и И.Д. Камов. Комиссии было предложено в двухнедельный срок составить мотивированную записку о необходимости открытия университета в Иркутске.

Было принято постановление, в котором перечислялись задачи по созданию университета, а так же учреждена исполнительная комиссия в составе 15 человек по проработке вопроса о постройке в городе Иркутске здания для будущего вуза и сбора пожертвований на этот счет. Уже 11 июля 1916 г. в газетах сообщалось, что щедрое пожертвование Иркутской городской думы на университет — 500 тыс. р. — произвело хорошее впечатление в Министерстве народного просвещения. Столичные издания сообщают, что министерство проектирует открыть в Иркутске и медицинский факультет⁴⁰.

На представление, полученное министром просвещения Павлом Николаевичем Игнатьевым, последовал ответ от 3 августа 1916 г. в котором говорилось о необходимости скорейшего представления подробной записки о целесообразности учреждения университета именно в Иркутске⁴¹. В результате появилась записка Иркутского Городского Общественного Управления «Университет в Иркутске», датированная 19 августа 1916 г. Иркутский городской голова И.М. Бобровский принял активное участие в обсуждении вопроса, где быть следующему университету в Сибири: в Иркутске или во Владивостоке? Он, в частности, привел следующие аргументы. Иркутск — центр административно-территориальной единицы с населением 2 062 738 чел. Владивосток — окраина империи, центр области, на территории которой проживало всего 985 972 жителя. При этом И.М. Бобровский обращал внимание на то, что население Иркутского генерал-губернаторства почти сплошь состоит из русских поданных, а в Приморской области проживало 17,9% иностранных поданных, а в самом Владивостоке их процент достигал 40,3. Во Владивостоке проживало 94 935 жителей, а в Иркутске (1914) — 128 338 чел. Пограничное положение Владивостока ставило его в уязвимое положение во время обострения международной обстановки на Дальнем Востоке; в частности, во время русско-японской войны 1904–1905 гг. город подвергся бомбарди-

ровке судов неприятельского флота. В качестве доказательства своей позиции И.М. Бобровский привел слова бывшего Владивостокского городского головы В.А. Панова, который писал: «Правильное место областному университету не здесь (во Владивостоке), а в Иркутске по всем реальным условиям выбора... Владивосток должен принять самое широкое участие в создании университета в Иркутске». «Как центр географический, административный, финансовый, торгово-промышленный и культурный, Иркутск более, чем какой бы о ни было другой город Восточной Сибири должен быть по объективным соображениям избран для университета», — заключил И.М. Бобровский⁴². Эта записка достигла своей цели. В результате министерство остановилось в своем выборе на Иркутске, с чем согласился Совет Министров 24 февраля 1917 г., т.е. буквально за несколько дней до февральских событий в столице, стремительно сокрушивших российскую монархию. А вопрос об открытии университета в административном центре Восточной Сибири опять, в который уже раз, «завис в воздухе», был отложен на неопределенное время.

Иркутская общественность давно стремилась к тому, чтобы в городе на Ангаре возник свой университет, понимая всю разницу города, имеющего статус «университетского» и не имеющего такового. В 1916 г. была образована университетская комиссия при Иркутской областной думе. В 1917 г. ее председателем стал Павел Васильевич Цицерман⁴³, личность весьма примечательная. Уроженец с. Куйтун Иркутской губернии, выпускник юридического факультета Московского университета (1910), он, вернувшись в Иркутск, занимался здесь адвокатурой и одновременно преподавал в коммерческом училище русскую историю и политическую экономию. Во многом по его инициативе к формированию будущего коллектива университета приступили в Москве философ и педагог Моисей Матвеевич Рубинштейн, а в Петрограде — ученый-юрист Эдуард Эдуардович Понтович⁴⁴.

В Государственной Думе рассчитывали провести законопроект об открытии Иркутского университета осенью, но наступившая февральская революция 1917 г. изменила положение событий. Иркутяне обращаются к Временному правительству со своим ходатайством⁴⁵. В ответ на это при Министерстве Просвещения была образована комиссия под председательством Новикова, которая рассматривала вопросы, связанные с открытием высших учебных заведений, а также разрабатывала положения о них.

К осени 1917 г. положение об Иркутском университете было готово. Для непосредственного решения всех возникших организационных вопросов предполагалось отправить специальную комиссию из Петроградского университета, в которую вошли профессора Э.Д. Гримм, С.Д. Рождественский, приват-доценты Римский-Корсаков, Истомина и томский профессор Курлов. Но открыть университет не удалось, так как произошла Октябрьская революция, к власти пришли большевики. Череда социальных и по-

литических потрясений, сотрясавших Россию начала XX в. неоднократно откладывала вопрос об открытии Иркутского университета.

Вследствие изменения политической обстановки университетская комиссия решила не ждать помощи от преподавательских сил из центра и передала данный вопрос на разрешение ряда уполномоченных лиц — академических специалистов, в своей деятельности связанных с Сибирью. Так, в марте 1918 г. даются полномочия на создание медицинского факультета профессору Тарасевичу (Московский университет), историко-филологического — приват-доценту М.М. Рубинштейну, юридического факультета — приват-доценту Э.Э. Понтовичу (Петроградский университет). Им было поручено принять меры по приглашению преподавателей через научные центры, связанные с Сибирью.

Итак, имевший длительную историю вопрос об открытии университета именно в Иркутске, а не в каком-либо другом городе Восточной Сибири, к 1918 г. был окончательно принципиально решен. Подводя итог нашему обзору по учебным заведениям Иркутска и его конкурентов, посмотрим, какие же учебные заведения имелись в губернском центре накануне открытия в нем университета. Это: Учительский институт, находившийся на ул. Дегтевской; институт императора Николая I (Девичий или Женский — Набережная р. Ангары); Учительская семинария (Знаменское предместье); училище императора Александра III, первое высшее начальное (угол Большой и Благовещенской улиц); Ремесленное училище им. Н.П. Трапезникова (Знаменское предместье); реальное училище (ул. Котельниковская); промышленное училище (Тихвинская площадь); Горное училище (Тихвинская площадь); Первое коммерческое училище (ул. Почтамтская); мужская гимназия (ул. Амурская); Первая женская гимназия И.С. Хамина (ул. Ланинская); Вторая женская гимназия И.С. Хамина (ул. Трапезниковская)⁴⁶. Как видим, Иркутск в отношении развития образования на тот период был представлен весьма достойно, и выглядел более убедительно по сравнению с другими городами. Поэтому выбор открыть именно здесь университет был вполне обоснован. Но здесь не было, как, например, в других городах европейской России, училища правоведения, которое могло послужить основой дальнейшего развития юридического образования как с точки зрения материальной основы (помещения, учебные аудитории, база практик), так и с точки зрения кадрового обеспечения. Поэтому стремление открыть в Иркутске университет, имеющий, в числе других, юридический факультет являлось отражением не только объективных предпосылок достижения определенного образовательного уровня губернского центра, но и отражением воли передовой общественности города, а, возможно, отчасти и некоторого авантюризма в хорошем смысле слова, качества, которое, кстати, «обостряется» именно в переломные периоды, изломы истории. А 1917-й и последующие годы российской истории и стали таковыми.

Примечания

¹ Манассеин В.С. Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск, 1924. С. 13, 15.

² Там же. С. 22, 26.

³ Казарин В.Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. Иркутск. 2008. № 1. С. 3.

⁴ Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, Действительным Статским Советником Гагемейстером. Ч. I. СПб., 1854. С. 98–100.

⁵ Романов Н.С. (Мокеев Н.). К истории университетского вопроса в Иркутске. Б.м., 1916. С. 463, 464.

⁶ Ширяев Ф.Г. Университет в Иркутске. Историческая справка. Иркутск, 1915. С. 7.

⁷ Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма. (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 224.

⁸ Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: Биографический очерк. Новосибирск, 2004. С. 77–78, 124–125.

⁹ Щапов А.П. Памяти М.В. Ломоносова // А.П. Щапов : Избранное / сост. А.С. Маджаров. Иркутск, 2001. Репринтное воспроизведение по изд.: Щапов А.П. Соч. СПб., 1906. Т. 2; Щапов А.П. Соч. Иркутск, 1937. Доп. т. С. 334, 335.

¹⁰ Ширяев Ф.Г. Университет в Иркутске. Историческая справка. Иркутск, 1915. С. 16.

¹¹ Романов Н.С. (Мокеев Н.). К истории университетского вопроса в Иркутске. Б.м., 1916. С. 469, 470.

¹² Муравьев А.Г. К истории возникновения Иркутского Университета // Иркутский государственный университет, 1918–1921: сб. ко дню трехлетия существования университета. Иркутск, 1921. С. 8–11.

¹³ Памятная книжка Восточно-Сибирского учебного округа, составленная по сведениям на 1 января 1880 года. Красноярск, 1880. С. IV, V, XI.

¹⁴ Памятная книжка Иркутской губернии 1881 г. в трех отделах. Иркутск, 1881. С. 5.

¹⁵ Н.Л. Томск // Энциклопедический словарь. Т. XXXIII А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. С. 490–491.

¹⁶ Вейнберг Л. Омск // Энциклопедический словарь. Т. XXI А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. С. 938–939.

¹⁷ Н.Л. Тобольск // Энциклопедический словарь. Т. XXXIII. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. С. 384.

¹⁸ Н.Л. Тюмень // Энциклопедический словарь. Т. XXXIV. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1902. С. 323–324.

¹⁹ Барнаул // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат / под ред. проф. Ю.С. Гамбарова. 11-е стереотип. изд. Т. 5. М., 1911. С. 3.

²⁰ Н.Л. Мариинск // Энциклопедический словарь. Т. XVIII. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1896. С.628.

²¹ Латкин Н. Енисейск // Энциклопедический словарь. Т. XI А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. С. 656.

²² Латкин Н. Красноярск // Энциклопедический словарь. Т. XVI А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1895. С. 554; И.П. Красноярск // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. 11-е стереотип. Изд. Т. 25. М., 1914. С. 371.

²³ Латкин Н. Енисейская губерния // Энциклопедический словарь. Т. XI А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. С. 640, 648.

²⁴ Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск, 1990. С. 240.

²⁵ А. Б-нь. Верхнеудинск // Энциклопедический словарь. Т. VI. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1892. С. 67; Верхнеудинск // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. 11-е стереотип. изд. Т. 9. М., 1911. С. 572.

²⁶ Л.В. Нерчинск // Энциклопедический словарь. Т. XX А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1897. С. 913–914.

²⁷ Вейнберг Л. Забайкальская область // Энциклопедический словарь. Т. XII. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. С. 79, 83–84.

²⁸ Латкин Н. Чита // Энциклопедический словарь. Т. XXXVIII А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1903. С. 80; Чита // Большая Энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова. Т. 20. СПб., 1905. С. 117.

²⁹ Латкин Н. Якутская область // Энциклопедический словарь. Т. XLI А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1904. С. 618, 626.

³⁰ Латкин Н. Якутск // Энциклопедический словарь. Т. XLI А. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1904. С. 628.

³¹ Шперк Ф. Иркутская губерния // Энциклопедический словарь. Т. XIII. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. С. 320, 324, 325.

³² Шперк Ф. Иркутск // Энциклопедический словарь. Т. XIII. Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1894. С. 328, 329.

³³ Обзор Иркутской губернии за 1892 год. Иркутск, 1893. С. 39, 40.

³⁴ Обзор Иркутской губернии за 1895 год. Иркутск, 1896. С. 33.

³⁵ Иркутск; Иркутская губерния // Большая Энциклопедия / под ред. С.Н. Южакова. Т.10. СПб., 1903. С. 176, 177.

³⁶ Рабецкая З.И., Татаринов В.И., Щербинин М.Ф. Иркутский педагогический: от учительского института к университету. Т. 1 (1909–1931). Иркутск, 2007. С. 5.

³⁷ Иркутск в панораме веков: Очерки истории города / С.М. Алексеев и др. Иркутск, 2002. С. 224 (автор параграфа Г.В. Оглезнева).

³⁸ Памятная книжка Иркутской губернии. Издание Иркутского губернского статистического комитета. Иркутск, 1912. С. III, VIII, IX.

³⁹ Попов И. Иркутск // Энциклопедический словарь Русского Библиографического института Гранат. 11-е стереотип. изд. Т. 22. М., 1914. С. 136–137.

⁴⁰ Иркутская летопись 1661–1940 гг. / сост., автор предисл., примеч. Ю.П. Колмаков. Иркутск, 2003. С. 302.

⁴¹ Муравьев А. Указ. соч. С. 10.

⁴² Университет в Иркутске: Зап. Иркут. гос. обществ. упр. Иркутск, 1916. С. 17, 18, 20 (сост. И. Бобровский).

⁴³ См. подробнее: Свинин В.В. Из истории организации высшего образования в Иркутске (по материалам личного дела П.В. Зицерна) // Байкальская историческая школа: проблемы региональной истории. Тез. докл. и сообщ. науч. конф., посв. памяти М.А. Гудошниковой и Ф.А. Кудрявцева. Иркутск, 1994. С. 35–36.

⁴⁴ Казарин В.Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1. С. 5.

⁴⁵ Иркутский государственный университет: 80 лет: библиограф. указ. 1918–1998 / сост.: В.К. Пешкова, Г.Ф. Ямщикова / науч. ред. В.В. Свинин. Иркутск, 1998. С. 58.

⁴⁶ Спутник-календарь города Иркутска на 1918 г. Иркутск, 1918. С. 4–5.

Л.В. КУРАС

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ БУРЯТ В НАЧАЛЕ XX в.: «ПЕРИОД СЪЕЗДОВ»

Объединение родовой аристократии, буддийского духовенства и молодой бурятской интеллигенции в начале XX в. ознаменовало собой новый этап в национальном движении бурят — этап проведения общепурятских съездов в 1905–1906 гг., сыгравших в его развитии заметную роль. 26–30 апреля 1905 г. впервые в истории бурятского народа в Чите состоялся съезд бурят Забайкальской области, а 20–26 августа того же года — съезд бурят Иркутской области. В решениях съездов отразилась необходимость введения местного самоуправления, ограждения земельных угодий от изъятия в колонизационный фонд, обязательного обучения детей грамоте, снятия ограничений в приеме в высшие и средние учебные заведения. Национальное движение в этот период вылилось в конкретные действия, направленные на возвращение и защиту национальной религии, поэтому ламское духовенство возглавило его наряду с родовой аристократией.

Поводом к сбору первого Верхнеудинского совещания настоятелей дацанов и представителей прихожан послужила необходимость пересмотра нормативных актов, ограничивающих права инородцев. Основным итогом совещания стало обращение к областной администрации о созыве съезда представителей ламских духовных обществ и сведущих почетных представителей бурят. Давая санкцию на проведение съезда, администрация рассчитывала, что он поможет «просветить» темную массу, предупредив при этом, что съезду отводится лишь совещательная роль.

Основную массу участников съезда составляла родовая аристократия, однако в его работе приняли участие также представители духовенства и интеллигенции — преподаватель института восточных языков, военный врач Б. Ямпиров, переводчик кяхтинского пограничного комиссара Бимбаев, учитель Б. Очиров, студенты петербургских вузов Б. Барадин и Ц. Жамцарано, которые оказали заметное влияние на работу съезда.

Вопреки запрету властей съезд поставил для себя целью, писала газета «Верхнеудинский листок» от 8 июля 1905 г., «...обсуждение назревших вопросов, касающихся общественного самоуправления бурят, свободы вероисповедания, народного образования, прав собственности на принадлежащие им (бурятам) земли и пр.»¹.